

СВЕРНУЯ ЗАПИСКИ

*Литературно-политический
Ежемесячникъ*

ДЕКАБРЬ

1914

Сумерки Европы.

Сумерки спускаются надъ Западной Европой. Изъ сверканія небывало яркаго дня современной культуры, восторженно возносившейся, казалось, въ безграничные просторы, она безъ переходовъ погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть.

Я говорю не о всей Европѣ,—только о Западной Европѣ, только о томъ сравнительно небольшомъ полуостровѣ на тѣлѣ материковъ, на который стеклась, задержанная морями, и напряглась сила, расцвѣло творчество современнаго человѣчества; на которомъ выросла европейская культура,—подобно тому какъ нѣкогда въ меньшихъ масштабахъ тогда еще небольшого міра, на другомъ полуостровѣ, на другомъ географическомъ острѣ собралась и разрядилась великая культура Эллады.

Различны — и даже противоположны—судьбы государствъ, которыхъ жребій общихъ мировыхъ, и частныхъ для каждаго, движеній связалъ въ одинъ узелъ современной войны; различны горизонты, открывающіеся для каждаго. Но страннымъ, на первый взглядъ, образомъ—болѣе родственнымъ вырисовывается грядущее не тѣхъ участниковъ войны, которыхъ связываютъ союзныя въ ней отношенія; болѣе близкой рисуется мнѣ судьба тѣхъ государствъ, которыхъ связываетъ многовѣковая общность исторіи, хотя бы они и находились во враждебныхъ рядахъ. Такъ, значеніе войны для дальневосточной Японіи рѣзко и въ корнѣ отличается отъ ея значенія для европейскихъ державъ, хотя и союзныхъ ей; такъ даже и для Россіи, державы европейской, но раскинувшейся и на Азію, перспективы войны иные, чѣмъ для странъ Западной Европы. Я и буду говорить только объ этой послѣдней, въ смертельной борьбѣ сохраняющей своеобразное единство, заранѣе подчеркнуть, что къ Россіи излагаемыя соображенія имѣютъ лишь весьма частичное отношеніе.

1.

Союзныя, враждующія и пока нейтральныя государства, Францію съ Англіей и Германію, Бельгію, Австрію и Италію, беру я въ одинъ скобки, отдѣляя отъ Россіи и Японіи, союзныхъ однимъ, враждебныхъ другимъ,—потому что глубокое коренное единство представляютъ онѣ общностью своего прошлаго и единствомъ созидавшейся ими культуры. Менѣе всего стану я отрицать характернѣйшую индивидуальность каждой изъ этихъ странъ, различіе—можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полярность—ихъ народнаго характера, своеобразіе ихъ творческаго вклада; но это—вклады въ единую культуру, но это индивидуальности въ единосвязанномъ коллективѣ народовъ. Исторія долгими столѣтіями общенія, борьбы, взаимныхъ вліяній переплела ихъ въ единство; современность своими фантастически мощными средствами взаимнаго проникновенія спаяла ихъ со всеѣми ихъ противоположностями и своеобразностью. Сообща творили они одно дѣло—великой западно-европейской культуры, единой и при всеѣмъ своемъ внутреннемъ разнообразіи, какъ единой была культура Эллады при своеобразіи созидавшихъ ее городовъ. Европейской культурѣ въ современности принадлежитъ непререкаемая гегемонія въ жизни народовъ, хотя громаднѣйшее большинство человѣчества не участвуетъ въ ея созиданіи и не живетъ въ ея рамкахъ. Собственно міромъ и была до недавняго прошлаго Западная Европа; остальная часть земной поверхности была нетронутымъ пустыремъ или колоніей, мѣстомъ приложенія европейскихъ силъ, источникомъ благъ, или внѣисторическимъ пространствомъ, тридевятымъ царствомъ, которое еще только должно было быть найдено, открыто историческимъ человѣчествомъ и приобщено къ исторіи,—т.-е. открыто Европой для Европы. Солнцемъ человѣчества за послѣднія столѣтія было солнце, освѣщавшее Западную Европу, и все миллионы людей и все сокровища этихъ тридевятыхъ царствъ, отпрысковъ нѣкогда грандіозныхъ культуръ, были какъ бы сномъ, фантазмой, пока не вступали въ соприкосновеніе съ Западнымъ полуостровомъ. Ибо здѣсь человѣчество не только жило, но и творило, не только охраняло прошлое, но претворяло его въ будущее; ибо здѣсь пролегалла дорога, которая отъ былыхъ эпохъ протянулась къ эпохамъ грядущаго. Индію и Китай открыла маленькая Европа и вернула человѣчеству; Америку она, такъ сказать, изобрѣла и взростила. Черезъ Западную Европу пролегалъ для всѣхъ народовъ путь къ жизни и къ творчеству; «западничество», т.-е. собственно европеизація, для всѣхъ народовъ было лозунгомъ воскресенія и новой жизни.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что не одна Западная Европа участвовала въ созиданіи западно-европейской культуры. Все значительнѣе становилось участие и другихъ народовъ, приобщенныхъ ею къ жизни или столкнувшихся съ нею. Россія, и Америка, и Дальній Востокъ увеличивали свой вкладъ въ общечеловѣческой капиталъ. И все же этотъ вкладъ еще и до послѣдняго времени становился общечеловѣческимъ, только поскольку проходилъ сквозь признаніе руководящихъ державъ Запада. И даже и еще тѣснѣе можно сказать: три руководящихъ державы Запада, три руководящихъ культуры, англійская, нѣмецкая, французская, въ ихъ взаимодействіи и создавали русло единой западно-европейской, и,—значить, для послѣднихъ вѣковъ—общечеловѣческой культуры. Преобладаніе склонялось то на сторону одной, то на сторону другой; въ послѣднее полу столѣтіе снова выбросилась впередъ Германія; но въ общемъ въ этомъ тройномъ взаимодействіи германо-романскаго міра происходилъ основной напоръ міровой культуры послѣднихъ вѣковъ.

И какъ внѣ-европейскія цѣнности только черезъ пріятіе ими получали міровое значеніе, такъ и культуры другихъ европейскихъ же народовъ только въ связи съ ними, вливая въ нихъ свое созиданіе, или отъ нихъ черпая, участвуютъ въ общей работѣ. Далека отъ меня мысль умалить значеніе и другихъ народовъ: Италія, связующей насъ на зарѣ новыхъ временъ съ далекою древностью, и Нидерландовъ, и другого соединительнаго съ древностью звена—еврейства, этого малочисленнаго восточнаго народа, который связующей силой своего разсѣянія, непрерывностью своей своеобразной активности, сочетаніемъ неслиянности съ каждой отдѣльной мѣстной традиціей и участія во множествѣ ихъ—стала едва ли не самымъ европейскимъ народомъ среди европейцевъ. Впрочемъ, и вообще можно отмѣтить, что наиболѣе законченными средне-европейцами, обще-европейцами являются не столько члены трехъ великихъ созидательныхъ силъ европеизма, сколько интеллигенція маленькихъ народовъ—голландцы, бельгійцы, шведы, швейцарцы; ибо они менѣе другихъ могутъ ограничиться своею собственною мѣстною жизнью и культурою, больше другихъ неизбежно льнуть къ культурамъ чужимъ и притомъ—хотя и неравномѣрно и прерывисто—льнуть ко всемъ окружающимъ ихъ великимъ культурамъ.

Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя не признать, что тремя основными силами созидался ново-европейскій міръ, и этими силами были три великія западныя державы. При всемъ ихъ своеобразіи въ общій узоръ сплетаются ихъ индивидуальныя культуры. Сплетаются длинными столѣтіями сосѣдской жизни, совмѣстной или взаимной борьбы, скрецающихся заимствованій. Сплетаются за послѣднія

десятилѣтія съ небывалою интенсивностью, продвигая это сплетеніе въ интимнѣйшія глубины народной гущи. Въ университетахъ Берлина и Гейдельберга, Цюриха и Парижа сталкивается молодежь всѣхъ народовъ, какъ и въ художественныхъ мастерскихъ Парижа и Мюнхена, какъ въ лабораторіяхъ Мечникова и Эрлика. На Байрейтскія музыкальныя празднества, на выставку или ярмарку Лейпцига, на безчисленные конгрессы всякихъ наукъ и всякой техники, религіи и философіи съезжаются отовсюду люди для совмѣстныхъ воспріятій, переживанія и мысли. На каждомъ шагу по Европѣ вы встрѣтите итальянскаго каменотеса; въ помѣстьяхъ Германіи—русскаго или польскаго крестьянина; въ далекихъ кварталахъ Парижа и Лондона—еврея, выходца изъ Россіи; въ отеляхъ, ресторанахъ—нѣмецкаго или швейцарскаго кельнера, горничную, управляющаго; всю Европу исколесили жокеи, артисты, шофферы, авиаторы всѣхъ странъ. Промышленность, торговля высылаютъ своихъ представителей вмѣстѣ со своими фабрикатами изъ страны въ страну. Нѣмецкій комми-воажеръ и швейцарская бонна, французская гувернантка и бельгійскій инженеръ—свои люди даже въ глуши Россіи. Моды перекидываются черезъ границы и проникаютъ, пусть въ окарикауренномъ видѣ, въ глухіе углы. Пациенты всѣхъ народовъ встрѣчаются въ приемной берлинскаго врача, у источниковъ безчисленныхъ курортовъ, на высотахъ Энгадина, на итальянскихъ оверахъ, на морскихъ купаньяхъ. Сквозь картинныя галереи Дрездена, Флоренці протекаютъ непрерывнымъ потокомъ вереницы разноязычныхъ людей, и на развалины форума приходятъ не меньше народовъ, чѣмъ древле подъ сѣнь его торжествующей власти.

Многія сотни тысячъ туристовъ всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ и состояній, безъ перерыва передвигаются по Европѣ, и многія сотни тысячъ рабочихъ людей. Воцаряется новый своеобразный кочевой бытъ, въ которомъ паровозы, автомобили и пароходы замѣняютъ степного коня. Съ кочевыми профессіями связаны миллионы людей, а для другихъ миллионеровъ—временное кочевье служить ученью, леченію или отдыху. Когда-то осѣдая душа складывалась подъ впечатлѣніемъ опредѣленной природы, одного языка и быта, вращалась среди вещей одного производства. Сколько теперь людей носятъ въ душѣ своей одновременно отраженіе—и торжествующаго разлива красокъ, пылающихъ ярко и все же слитно-гармонично на лѣтнемъ небѣ Норвегіи, гдѣ каждую ночь зажигается и догораетъ пожаръ Валгаллы,—и нѣжно-серебристаго, мягко-затуманеннаго неба Парижа, родившаго французскую живопись,—и юта крестьянско-сказочныхъ или сказочно-рыцарскихъ лѣсовъ Шварцвальда и Тюрингена,—и сочности южнаго моря съ утомленно пышною берего-

вой растительностью, — и блага царства Альпійскихъ вершинъ, изъ-за ближнихъ темныхъ грядъ величаво-возносящихся подобно нѣкоему воплощенному для профановъ Монъ-Сальвату, — и ясныхъ, отчетливо простыхъ линий на фонѣ благородно-радостныхъ, свѣтло-спокойныхъ, чистыхъ красокъ Эллады. Когда-то все, что не звучало на родномъ языкѣ, казалось пустымъ звукоизверженіемъ, духовной нѣмотой; теперь, и не разслышавъ словъ, по одному только звуковому силуэту, по интонаціонной волнѣ рѣчи мы легко узнаемъ и различаемъ чужой — уже не чужой — языкъ. Сквозь различный бытъ проходятъ схожія, иногда почти тождественныя формы; въ государственной жизни — близки и родственны многіе институты и отношенія, и въ творчество каждаго кажется утрамбованнымъ опытъ всѣхъ странъ.

И сидя дома, мы ежедневно, непрерывно кочуемъ духовно, читая газету и книгу, или посѣщая кинематографъ; на разстояніи тысячъ верстъ мы одновременно съ миллионами слѣдимъ за событіями дня, и почти одновременно — иногда въ тотъ же часъ — насъ охватываютъ единыя волны духовныхъ интересовъ или увлеченій: въ тѣ же часы, на противоположныхъ концахъ Европы, да и міра, люди были потрясены приговоромъ по дѣлу Дрейфуса или гибелью Титаника, терзались тѣми же волненіями, ожидая послѣднюю вѣсть о Львѣ Толстомъ или о Мессинскомъ землетрясеніи. Конечно, и весь міръ находится теперь въ общеніи, но общеніе это — разной степени напряженія, а узлы наиболѣе интенсивной близости, наибольшаго сплетенія и разносторонности вліяній — доселѣ расположены были въ Западной Европѣ.

Намъ, европейцамъ, въ ней и ею живущимъ, хорошо явственны внутреннія различія, явственнѣе, чѣмъ то общее, что привычно, какъ воздухъ и какъ воздухъ незамѣтно. Живя, чувствуя и мысля въ европейскомъ строѣ, мы этого строя не замѣчаемъ, не замѣчаемъ общихъ народамъ ритмовъ, объемлющихъ схемъ жизни и дѣятельности, единообразно пронизывающихъ ихъ стремленій; не обращаемъ вниманія на тождественные или родственные элементы, на аналогично связующіе синтезы жизни и творчества. Мы различаемъ прежде всего ихъ индивидуально-народныя сплетенія. Но если извнѣ охватить весь укладъ европейской культуры, то — на ряду съ другими прошлыми великими культурами человѣчества — ясно выдѣлится и ея незыблемо-спаянное единство и ея глубинное своеобразие.

Замѣчательный типъ человѣчества, замѣчательный, законченный образецъ культуры создала исторія въ новѣйшее время. Во всякую эпоху живетъ человѣкъ въ какой-нибудь культурѣ, по закон-

ченныя мощныя образованія, цѣлостныя непреходящія синтезы не часты въ исторіи, и однимъ изъ немногихъ была новая культура Западной Европы — культура самодовлѣющей человѣчности. Нашему поколѣнію выпало высокое счастье пережить въ послѣднія десятилѣтія небывало могучій расцвѣтъ, высшее напряженіе этой культуры. И тѣмъ изъ насъ, кому не надо было эпическихъ испытаній громовой войны, чтобы ощущать грандіозное творчество эпохи, великую формовку ея душъ, казалось захватывающимъ и чудеснымъ предвкушеніе того, до какой неизвѣданной еще полноты она развернется. Но вотъ грянула разрушительная война, и ступили сумерки надъ Европой.

Въ мои намѣренія сейчасъ не входитъ намѣчать содержаніе этой въ своей цѣлостности уже обреченной культуры, защищать ее отъ ходячаго взгляда, который усматривалъ въ ней торжество внѣшняго, матеріальнаго, вещей, техники, не видя того духа, который ихъ создавалъ, ими владѣлъ, ими чеканился, надъ ними рѣялъ. Въ мои намѣренія не входитъ и защищать ее отъ упрековъ въ коренныхъ антиноміяхъ, въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, — культура Европы потерпѣла-де крушеніе, и надо искать разрѣшенія поставленныхъ человѣчеству проблемъ по другимъ путямъ. Кто знаетъ, что антиноміи свойственны самому духу человѣчества, какъ и тѣлу его, самой сути человѣческаго общежитія, тотъ заранѣе знаетъ, что нѣтъ, не было и не будетъ культуры, которая бы ихъ избѣжала, которая бы взяла, да разрѣшила ихъ, и устроила бы жизнь гладкую и согласную. Какъ на шершавой грифельной доскѣ, только распыляясь о сопротивленія, мелокъ исторіи оставляетъ писмена человѣческихъ дѣяній. Всякая культура будетъ вѣчно противорѣчивой, ибо неотъемлемо противорѣчивы самыя пружины человѣческія и общественныя. И судить культуру надо не по тому, разрѣшила ли она безъ остатка поставленные ей или ею задачи, а по тому, какія цѣнности она создала, выбиваясь среди встрѣчныхъ противорѣчій, хотя бы въ нихъ и захлебываясь. Ни формально логическій критерій непротиворѣчія, ни эстетическій критерій внутренне-самодовлѣющей гармоничности — не предъявимы культурѣ въ ея цѣльности. Ея мѣрила иныя: какъ въ ней жилъ человѣкъ; созданъ ли ею своеобразно-цѣльный и самодовлѣюще-полный типъ человѣка, синтезъ общежитія, система хотя бы и сталкивающихся запросовъ и дѣятельностей; сотворены ли ею цѣнности незамѣнимыя и неотъемлемыя для всякой грядущей возможной культуры? Культура новоевропейская сложилась въ законченную картину небывалой полноты и насыщенности; создала твердыни творчества и труда, которыя обойти человѣчество никогда не сумѣетъ. Ея заботой былъ — человѣкъ, и человѣкъ былъ ея критеріемъ. Культура самодовлѣющей человѣчности,

она навсегда останется въ памяти людей, какъ законченная индивидуальность; въ жизни его—какъ неотъемлемая основа. Но живая дѣйствительность ея—думается мнѣ—будетъ погасать и разлагаться; но гегемонія ея будетъ поколеблена; но изъ міровой и всечеловѣческой она обречена становиться провинціальной и частичной.

Разумѣется, я не хочу сказать, чтобы такіа послѣдствія были вызваны одной войною, хотя бы и столь грандіозною, какъ протекающая нынѣ. Разумѣется, этотъ процессъ совершался и раньше,—въ самой пышности расцвѣта лежитъ угроза разложенія, ибо только скудость величавой суровости обезпечена отъ паденія. Разумѣется, еще и послѣ войны не стануть сразу наглядными и осязаемыми раздробленіе и сверженіе западной культурной гегемоніи. Процессъ шель уже раньше войны, и не завершится немедленно послѣ нея; но точкой перелома въ этомъ процесѣ, точкой срыва—будетъ великая война. Безъ нея Европа могла бы постепенно претвориться въ новый міръ, впитывая въ себя новыя содержанія, разрастаясь новыми ростками, распространяясь незамѣтно на новые центры. Теперь получится перебой, остановка, ослабленіе, потемнѣніе. Сорвана будетъ культурная непрерывность, и изъ хаоса только медленно будетъ выбиваться новый законченный типъ челоуѣчества, челоуѣческаго общества, челоуѣческаго кругозора. Наше поколѣніе его уже не увидитъ. Сорванное великимъ столкновеніемъ, оно закончитъ свой земной путь среди развалинъ и зачатковъ.

Сумерки опускаются надъ Западной Европой.

2.

Безчисленны и непредвидимы послѣдствія войны, даже великія послѣдствія войны; зло и добро сплетется въ нихъ,—ибо война такъ широко захватила безбрежныя массы людей и такъ глубоко задѣла жизненныя функціи народовъ и государствъ, что едва-ли не всѣ причинныя нити, связующія прошлое съ грядущимъ, оказались задѣтыми ею, пройдутъ сквозъ нее, а слѣдовательно все грядущее будетъ въ ней имѣть свои корни,—и добро, и зло, которое намъ предстоитъ сдѣлать или испытать. Зачерпнувъ до неизвѣданныхъ глубинъ челоуѣческія силы и интересы, она и разбудила и парализовала, отвлекла отъ осуществленія и проявила столько дѣятельностей, что въ ихъ еще неопредѣлившейся сумятицѣ долго будетъ нелегко отыскать твердо сложившіеся массивы. Она уничтожила, вѣроятно, столько же возможностей, сколько пробудила къ жизни. Кое что уже ясно, но еще можетъ быть ослаблено или усилено; не мало зависитъ отъ ея про-

теченія, ибо хотя общій ея военный результатъ—пораженіе Германіи и Австріи—возможно считать вполнѣ предопредѣленнымъ, но вѣдь остаются еще вопросы о темпѣ и объемѣ этого пораженія. И тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя линіи, самыя общія, элементарныя, наглядныя, которыя проведены или проводятся уже теперь и которыя дальнѣйшимъ ходомъ кампаніи, каковъ бы онъ ни былъ, зачеркнуты не будутъ. Въ этихъ элементарныхъ общихъ линіяхъ уже живетъ рокъ; ими уже предопредѣляется будущее.

Не дѣло публициста ни предсказывать, ни гадать о будущемъ; тѣмъ менѣе во время такой войны, для которой нѣтъ въ прошломъ прецедентовъ. Объ абсолютномъ числѣ непосредственныхъ участниковъ войны ужъ и говорить не приходится; но такого движенія вооруженныхъ народовъ и относительно не видалъ міръ со временъ передвиженія народовъ давнихъ, первобытныхъ эпохъ. Нечего распространяться и объ интенсивности боя; она приблизительно также относится къ боямъ предыдущимъ, какъ современная техника къ наивной техники прошлаго. Никогда не бывало и такого разнообразія формъ борьбы, на одномъ полюсѣ граничащихъ съ безличнымъ машиннымъ функціонированіемъ, на другомъ—воскрешающихъ формы героическихъ единоборствъ давно минувшаго времени. Въ машинномъ функціонированіи войны люди служатъ одновременно живымъ матеріаломъ—и пассивной массой и живымъ силовымъ потокомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ являются и машинистами, инженерами, поглощенными своими аппаратами, а не непосредственной борьбой, такъ же косвенно соприкасающимися съ дѣйствительностью уничтоженія, какъ косвенно рабочіе на заводахъ, выдѣлывающихъ плуги, соприкасаются со вспахиваніемъ земли. Техника разить, они же поглощены техникой. Но другіе воскрешаютъ давнишнія формы единоборствъ, только перенося ихъ и въ воздушныя пространства и въ глубину морей, бомбами замѣняя мечи и копья, а коней—двигателями внутреннего сгорания. Съ десятиверстныхъ разстояній палятъ орудія, и изъ окоповъ на разстояніи десятковъ метровъ переключаются, какъ древніе герои, враги.

И какъ боевыя отношенія не имѣютъ прецедентовъ, такъ не имѣетъ прецедентовъ и служащая опорой войнѣ—народная жизнь. Никогда еще не бывало такихъ грандіозныхъ челоуѣческихъ скопленій, такой напряженной работы массъ, такого бѣшеннаго темпа и грандіознаго размаха творчества, такой неразрывной связи между отдаленнѣйшими группами, странами, функціями, такой тонкой отдачи малѣйшихъ движеній, такихъ сложныхъ реальныхъ построений на зыбкихъ, еле уловимыхъ психическихъ вѣяніяхъ довѣрія или расчета,—какъ въ наше необычайное время; и потому одинаково

трудно учитываемы, какъ послѣдствія вносимыхъ войною разрушеній, такъ и затаенныя силы самозалечиванія и воскресенія.

Не было въ исторіи прецедентовъ для настоящей войны, и нѣтъ аналогій, по которымъ можно было бы предугадывать ея послѣдствія. Не дѣло публициста предсказывать будущее, которое когда-нибудь станетъ дѣйствительностью. Но есть еще то будущее, которымъ уже чревато настоящее, которое то какъ угроза, то какъ надежда, но всегда—какъ возможность, живетъ уже сейчасъ. Сплетенное съ другими, невидными пока факторами, оно можетъ стать инымъ, чѣмъ становится; но оно становится, и этого достаточно, чтобы на немъ остановиться.

Когда-нибудь будутъ вычислены матеріальныя разрушенія войны, и выведенныя неизмѣримыя цифры самой своей неизмѣримостью ничего намъ не скажутъ. Будутъ нарисованы картины разрушенія, и чтобы быть доступными созерцанію, онѣ будутъ написаны въ микроскопическомъ масштабѣ, а приближаясь къ правдѣ, перейдутъ за черту нашего духовнаго горизонта. Въ отвлеченныхъ формулахъ мы когда-нибудь, вѣроятно, охватимъ совершающееся, но—лишены біенія живой плоти и дыханія подлинныхъ переживаній будутъ эти объемлющія схемы. Сколько же сейчасъ переживаютъ подлиннымъ чувствомъ происходящее, но имъ открытъ лишь маленькій его уголокъ. Такъ человѣческія мысль и чувство ни въ біеніи непосредственныхъ соприкосновеній, ни въ холодѣ далекой оглядки—не въ силахъ проникнуться полнотой происходящаго; такъ оберегаетъ себя душа отъ тягчайшихъ потрясеній.

По тремъ упрощеннымъ линіямъ располагаются нагляднѣйшія послѣдствія для Западной Европы міровой борьбы—по линіи матеріальнаго разрушенія, уничтоженія живой силы и потускнѣнія моральнаго.

Обширныя территоріи почти сплошь повторно топчутся арміями, ведущими на нихъ смертный бой. Бельгія и сѣверная полоса Франціи; Польша, Сербія. Завтра надо думать, сюда присоединятся и другія: Пруссія и Эльзась, Венгрія и Силезія. Оставимъ безъ вниманія сугубую злость, которую можно проявлять и не проявлять, вспомнимъ только основныя, неотъемлемыя явленія: передвиженія миллионновъ вооруженныхъ людей, высокую милитарную технику воюющихъ, снаряды, разрывающіе сажени земли, пальбу, зажигающую пожары, рытье окоповъ, измѣняющихъ и поверхность и глубину земли. Сжигается и уничтожается недвижимость и подвижность, портятся насажденія и самый почвенный составъ земной поверхности. А между тѣмъ вѣдь не только усовершенствовались по

сравненію съ прошлымъ орудія разрушенія, но бесконечно возросли и самые объекты его. Гигантски возросъ удѣльный вѣсъ того, что создано или претворено въ природѣ человѣкомъ, а слѣдовательно, что подлежитъ и разрушенію съ его стороны.

«Культура»—создаваемое и непрерывно поддерживаемое человѣкомъ—занимало когда-то незначительное мѣсто въ экономіи природы, которую жили люди. Несомнѣнно это мѣсто теперь даже по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было полстолѣтія тому назадъ. Нѣкогда—проходили враждебные народы или войска, разоряли, уничтожали, что могли. Но это возможное истребленіе было ничтожнымъ сравнительно съ неистребимымъ, чѣмъ жилъ человѣкъ. Долго ли могла «травма не расти» по слѣдамъ жесточайшихъ полчищъ; а рядомъ съ опустошеннымъ пространствомъ, какая-нибудь случайно пощаженная деревушка или волость продолжала существовать безъ перерыва и почти что какъ ни въ чемъ не бывало; сейчасъ же и нетронутая снарядами доменная печь, погасшая въ силу недостатка топлива, становится разлагающимся трупомъ. Самые жестокіе и отчаянные «гунны» огнемъ и мечомъ меньше измѣняли обликъ малокультурной страны, чѣмъ современное хотя бы и корректное войско, орудующее дальнобойными пушками, бомбами, минами въ густо заселенной, застроенной и разработанной до малѣйшаго клочка странѣ. Пустите злѣйшаго дога въ пустырь и хотя бы добродушнѣйшаго слона въ цвѣтникъ—можно ли сравнить неизбѣжныя разрушенія. Пустите свору договъ въ хлѣвъ и хотя бы дрессированнаго слона въ узенькую лавку, заставленную драгоценными бездѣлушками,—онъ только повернется и уже надбѣляетъ больше бѣды, чѣмъ вся раздраженная свора. Бесконечно возросли не только орудія и возможности разрушенія, но и объекты и неизбѣжность его, потому что бесконечно больше живетъ человѣкъ теперь создаваемымъ, а не только используемымъ въ стихійно расцвѣтающей природѣ.

Но все эти непосредственныя разрушенія касаются пока не большихъ частей Европы, и какъ бы велики они ни были, они матеріально, вѣроятно, незначительны по сравненію съ косвенными разрушеніями, вызываемыми войною. Милліоны людей уже въ теченіе мѣсяцевъ оторваны отъ труда; и потому, что они не работаютъ, другимъ миллионамъ тоже нечего дѣлать. А еще новые миллионы работаютъ усиленно, лихорадочно,—и вся ихъ работа непосредственно направлена на то, что предназначено разрушаться или разрушать. Связь и сплетеніе современности заставляетъ рушиться и не задѣтое, уничтожаетъ и не прикасаясь. Перерывъ или затрудненія сообщенія между странами, пониженіе потребленія (что, впрочемъ, является и нѣкоторымъ коррективомъ къ пониженной производи-

тельности), разстройство сложнѣйшей и тончайшей системы довѣрія,—все это убиваетъ работу, парализуетъ творчество. И съ застывающей работой усиленно расползаются, изнашиваются и старыя блага.

Конечно, этотъ процессъ съ одной стороны охватываетъ неравномѣрно воюющія державы, а съ другой—въ силу взаимной связности—распространяется и на всѣ остальные страны міра. Крушеніе міровой биржи, затрудненія торговли, стѣсненія кредита дали себя знать всюду. Къ тому же, происходятъ отчасти и обратные процессы: европейскія нейтральныя страны, Италія и Скандинавія частью пользуются войною, чтобы отвоевать нѣкоторыя отрасли отъ державъ воюющихъ; и тѣмъ болѣе это относится къ Америкѣ и Японіи. Да и среди воюющихъ державъ неравномѣрны разрушенія войны. Неоднократно отмѣчалось, что на безкрайнюю Россію съ ея громаднымъ населеніемъ и земельнымъ хозяйствомъ война отражается несравненно меньше, чѣмъ на ея сосѣдяхъ и врагахъ. Точно также и Англія терпитъ меньше ущерба, чѣмъ Германія и Франція, и даже, можетъ быть, наряду съ нимъ извлекаетъ и нѣкоторыя выгоды изъ войны. Ущербъ и уничтоженія войны, распространяясь на весь міръ, распределяются въ немъ, конечно, неравномѣрно, все уменьшаясь по мѣрѣ удаленія отъ воюющихъ державъ, и среди нихъ самихъ падая особенно тяжестью на континентальныя страны Западной Европы. Вотъ почему если въ нѣкоторой степени міръ вообще будетъ сброшенъ съ достигнутаго уровня матеріальнаго расцвѣта, то Западная Европа будетъ лежать въ развалинахъ.

Пусть скоро закипитъ работа восстановленія. Обыкновенно въ примѣръ быстроты восстановленія приводятъ Францію послѣ пораженія 70 г. Думается, что примѣръ этотъ не можетъ служить прецедентомъ, ибо въ то время разорена была Франція одна, и была она окружена здоровыми, быстро развивающимися государствами, изъ которыхъ она легко могла почерпнуть содѣйствіе, найдя въ нихъ опору для восстановленія. Совѣмъ не то мы будемъ имѣть теперь. Разореніе и разрушеніе будетъ и вокругъ побѣжденныхъ; всюду трудовое и финансовое напряженіе будетъ направлено на свои ближайшія развалины; не будетъ тѣхъ сосѣднихъ здоровыхъ тканей, которыя помогаютъ быстрому затягиванію ранъ. Пусть та самая высота матеріальной культуры, которая обусловила великія разрушенія, послужитъ и сравнительно быстрому возрожденію. Но эта скорость можетъ, конечно, быть только «сравнительной» съ грандіозностью задачъ; а измѣренная масштабомъ скоротечной жизни человѣческаго поколѣнія, займетъ во всякомъ случаѣ не ничтожную часть его.

И на эти годы будутъ отложены всякія другія заботы и задачи. Передъ необходимостью отдышаться, обстроиться, обезпечить будущую защиту—отойдутъ на задній планъ тѣ стремленія къ общественному строительству и совершенствованію, которыя были результатомъ долгихъ лѣтъ мышленія и борьбы; которыя девятнадцатый вѣкъ завѣщалъ двадцатому, и которыя двадцатый вѣкъ ставилъ на Западѣ Европы съ такою же силою размаха, какъ и твердою рѣшимостью.

Неравномѣрны разрушеніе и ущербъ для разныхъ странъ, и это скажется съ особенною силою въ годы восстановленія. Уже сейчасъ частью Англія, а главнымъ образомъ Америка и Японія вытѣсняютъ Германію изъ мірового рынка. Но несравненно сильнѣе станетъ этотъ процессъ по восстановленіи мира, когда всюду загорится трудъ и творчество, и однѣ страны окажутся передъ необходимостью починать свой аппаратъ работы, между тѣмъ какъ другія немедленно приведутъ его въ напряженное функціонированіе. Только тогда, а не теперь, скажется, завершится паденіе однихъ и ростъ другихъ; тогда осуществится вытѣсненіе воевавшихъ—тѣми, кто сохранили свои силы. И если только къ тому времени не возгорится новая борьба между Японіей и Америкой, то только тогда гигантски развернутся эти новыя державы за счетъ Западной Европы. Пусть Франція будетъ побѣдительницей, Германія—побѣжденной; но разоренныя войною, онѣ будутъ оттѣснены другими, сохранившими неизрасходованными свои силы.

3.

Смертный бой не различаетъ людей по ихъ индивидуальнымъ свойствамъ, призваніямъ, возможностямъ. Всѣ передъ смертью равны—и поэтъ, и приказчикъ, и государственный мужъ, и торговецъ, и рабочій, и мыслитель. Ихъ жизнь и дѣятельность не равноцѣнны, но онѣ самоцѣнны, и потому не сравнимы. Страданія генія и тупицы одинаково страданія; смерть благороднаго и низкаго—одинаково смерть. И горе оставшихся не измѣряется соціальною цѣнностью погибшихъ. Страданіе и смерть не сравниваются и не складываются. Двѣ смерти—не двойная смерть, а только смерть повторенная; страданіе двухъ людей—не двойное страданіе, а дважды пережитое. Каждый человѣкъ есть морально замкнутый міръ, и миллионная гибель морально ничего не прибавитъ и не убавитъ отъ первой. Въ живомъ переживаніи и въ оцѣнкѣ моральной—численности не существуетъ. Передъ одинокою и передъ братскою могилою—тождественны скорбь и тождественно благоговѣніе.

Но люди продолжают жить, общество остается, остается культура. Надъ открытыми могилами замыкается жизнь уже однимъ протечениемъ времени; съ неизмѣнностью стихій она неотвратимо строитъ на нихъ свои живыя построения. Неотвратимо—ибо и воздержаніе есть жизнь, только ничтожная. Неизъяняема полнота молчанія передъ одиноко, хотя и совмѣстно, погибающими, но священныя права имѣетъ и общая жизнь совмѣстно живущихъ. Довлѣетъ себѣ благоговѣніе передъ смертью; но самозаконны и требованія жизни и культуры. Смерть не слагаема,—но подлежитъ сложению и учету уходящая и остающаяся жизнь. Вотъ почему не нарушаетъ благоговѣнія могиль—подсчетъ погибающихъ жизней.

Какъ бы ни были велики и значительны матеріальныя разрушенія, думаю, еще важнѣе будутъ послѣдствія той грандіозной убыли живой силы, которую произведетъ—уже производить—настоящая война. Нельзя, разумѣется, предвидѣть абсолютныхъ величинъ, которыя опредѣлятся дальнѣйшимъ ходомъ событій. Необходимо и здѣсь различать положеніе разныхъ участницъ войны. Японія воевала, но въ смыслѣ убыли живой силы, какъ будто и не воевала. Англія, посылающая до сихъ поръ сравнительно небольшія войска, и при томъ—либо профессионаловъ войны (моряки), либо добровольцевъ, въ число которыхъ могутъ всегда не входить люди опредѣленно иныхъ призваній,—стоитъ пока также въ сравнительно благоприятномъ положеніи. Также менѣе тяжело положеніе и Россіи съ ея грандіозной численности населеніемъ. Но опять-таки Западную Европу объединяетъ въ ея смертельномъ разьединеніи—общая судьба. Чуть ли не все молодое и зрѣлое поколѣніе, могущее носить оружіе, стоитъ подъ ружьемъ. Военская повинность не различаетъ моральныхъ или духовныхъ свойствъ, умственныхъ дарованій и призваній; не различаютъ ихъ и смертоносныя снаряды,—и тысячи за тысячами выметаются изъ жизни по случайностямъ военныхъ условий.

Выметаются изъ жизни силы, уже численно долженствующія серьезнѣйшимъ образомъ отразиться на будущемъ воюющихъ странъ; но и качественно выцѣживаются драгоцѣннѣйшіе соки. Не правильно, конечно, говорить только о гибели цвѣта страны, ибо гибнуть и ея шлевелы; но правильно говорить, что гибнетъ и цвѣтъ воюющихъ странъ. Мы никогда не узнаемъ, сколько уничтожается теперь геніальныхъ умовъ и благородныхъ сердецъ, творцовъ и завершителей, государственныхъ вождей, поэтовъ, изобрѣтателей, трибуновъ. Но и не въ нихъ однихъ дѣло. Отбиваются не только вершины молодыхъ побѣговъ націй; обдѣваются и всѣ ткани. Не только будетъ меньше

большихъ людей, — будетъ меньше и отвѣтственныхъ рабочихъ, знающихъ учителей, умѣлыхъ мастеровъ, дѣльныхъ инженеровъ. На всѣхъ этажахъ общественности происходитъ опустошеніе.

Дѣло не только въ убитыхъ или—что социальнo еще страшнѣе—въ обезумѣвшихъ и окончательно искалѣченныхъ; дѣло и въ раненыхъ, въ нервно-потрясенныхъ, не выкинутыхъ изъ жизни, но лишившихся на всегда или хотя бы на нѣкоторое время значительной доли своей трудоспособности. Дѣло еще и въ тѣхъ, кого война социальнo выкинула и выкинетъ изъ налаживавшейся социальной колеи. Сколькіе по возвращеніи не застанутъ уже складывавшихся передъ ними возможностей личной, общественной, профессиональной дѣятельности; сколькимъ придется годы метаться, чтобы снова выбиться на предназначенный путь; сколькимъ, свернувшимъ съ него въ рѣшающіе годы молодости, это и вовсе не удастся.

Я знаю, что и здѣсь есть нѣкоторые общіе или частныя коррективы. Общественная распатанность создаетъ большую подвижность, при которой, можетъ быть, легче будетъ проявиться въсеу отдѣльной личности. Въ частности Германія можетъ втянуть въ себя часть своей заокеанской эмиграціи. Россія улучшеніемъ условий жизни могла бы снять путы, сковывающіе многочисленныя слои ея населенія, сократить его отливъ въ чужіе края.

Имѣется еще резервуаръ социальныхъ силъ, и я не сомнѣваюсь, что убыли, причиненныя войною, заставятъ поспѣшить его открытіемъ. На братской могилѣ миллионovъ мужчинъ будетъ построено храмъ женскаго равноправія; и въ этомъ будетъ, вѣроятно,—или во всякомъ случаѣ можетъ быть—одно изъ великихъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ послѣдствій войны. Но оно въ большомъ размѣрѣ не скажется скоро, ибо нужна для этого сложная подготовка, перевоспитаніе навыковъ, выработка психологін. Россія и въ этомъ отношеніи находится въ болѣе благоприятномъ положеніи, ибо здѣсь уже въ теченіе десятилѣтій идетъ эта выработка и подготовка. Но и здѣсь, несмотря на уже замѣчающіеся признаки, потребуются долгіе годы, чтобы государственно въ полной мѣрѣ реализовать этотъ резервуаръ живыхъ силъ; и на Западѣ процессъ будетъ и труденъ, и длителенъ. И можно смѣло сказать, что ближайшія десятилѣтія будутъ на Западѣ эпохой стариковъ и дѣтей, эпохой утомленныхъ и нездорѣлыхъ.

Съ годами—въ теченіе около четверти вѣка—это будетъ сказываться со все возрастающей силой. Въ концѣ концовъ и сейчасъ еще человѣческое общество можетъ быть грубо и приблизительно по поколѣніямъ подраздѣлено—на пожилые руководящіе верхи, работчественческіе зрѣлые слои и зачинающую, бунтующую и вслушиваю-

шующая молодежь. Сегодня обезкровлена молодежь и сильно задѣты зрѣлые слои; руководящая заправляющая сила осталась на мѣстѣ. Но завтра отойдетъ она или одряхлѣетъ,—кто придетъ ей на смѣну? Въ творческіе же ряды зрѣлой трудовой фаланги вошьется обезсиленная сегодня молодежь; что будетъ начинать и какъ будетъ творить обезкровленная дружина сегодняшнихъ двадцатилѣтокъ. Не скоро подростутъ дѣти, но вѣдь и они подрастутъ въ этой расслабленной средѣ; къ кому они станутъ прислушиваться?

А въ это время въ странахъ дальняго запада и востока будетъ въ полнотѣ напряженного давленія твориться слѣшное дѣло мировой культуры.

Сумерки спускаются надъ Западной Европой.

4.

Менѣ всего сейчасъ время для тщательнаго анализа третьяго бѣдствія—моральнаго затменія,—сейчасъ, когда, по словамъ А. Шницлера въ письмѣ къ Ромэну Роллану, «весь міръ ослѣпленъ ненавистью, ожесточеніемъ и ложью». Настанетъ время и для этого, и не повѣрять многіе, если имъ напомнятъ то, что они дѣлали и кричали со всѣхъ крышъ,—и сочтутъ это клеветою на себя. Когда нибудь факты будутъ провѣрены въ ихъ разныхъ, обыкновенно противоположныхъ и слишкомъ часто лживыхъ толкованіяхъ, сведены къ надлежащимъ размѣрамъ и сопоставлены съ бездною фактовъ, невѣдомыхъ или умышленно скрывааемыхъ. Тогда наступитъ время вынести полновѣсное сужденіе.

Но сообразно темѣ настоящей статьи—мнѣ здѣсь достаточно отмѣтить только одну подробность современнаго моральнаго состоянія,—именно, насколько оно относится къ взаимнымъ отношеніямъ народовъ запада; а это возможно сдѣлать уже сейчасъ, потому что здѣсь не имѣетъ значенія правота или неправота взаимныхъ нареканій, а только самый фактъ воцарившихся настроеній.

Поразительно, съ какою внезапною силою охватила народы Европы ожесточенная взаимная ненависть. Нѣкогда богатыри, вызывая другъ друга на бой, тутъ-же и поносили другъ друга для устрашенія врага и поддержки собственной увѣренности. Затѣмъ установились рыцарскія отношенія между врагами. Теперь функціи раздѣлились: одни идутъ въ бой и молчатъ; въ нихъ вѣрно воспитывается и уваженіе къ противнику и цѣненіе его мощи; другіе сидятъ дома, въ безопасности, пишутъ статейки или произносятъ рѣчи и тѣмъ страстнѣе и неукротимѣе поносятъ врага, воздавая себѣ щедрое признаніе,

что ни откуда—даже и отъ него—не встрѣчаютъ отпора; ибо отпоръ, оказываемый въ этой области врагомъ, заключается въ томъ, что и онъ точно также сидитъ въ безопасности въ своихъ редакціяхъ и аудиторіяхъ и посылаетъ столь же безудержныя поношенія врагу и хвалы себѣ самому.

Обманъ—если и не зрѣнія, то—дѣйствія заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ пушекъ, печать, цѣля во врага, попадаетъ лишь въ собственную публику. Ядъ, предназначенный врагу, можетъ, на худой конецъ, отравить лишь друга. И ненависть разжигается, злыя чувства раззадориваются, болящія и безъ того раны растравляются,—все подъ предлогомъ поддержать духъ родного народа. Но дѣйствительно сражающимся нѣтъ надобности въ этихъ возбуждающихъ средствахъ, ибо дѣйствительность борьбы безконечно болѣе воздѣйствуетъ на нихъ, и къ тому же печать все равно до нихъ не доходитъ. Между тѣмъ твердость духа и плодотворная дѣятельность остающихся дома прежде всего требуетъ достоинства, выдержки, упорной работы на своихъ мѣстахъ, терпѣливаго выжиданія и переживанія неизбѣжныхъ страданій и тяготъ. Здѣсь размазываніе ужасовъ, натравливаніе и наускиваніе только вызываетъ бессильно-суетливое раздраженіе, бездѣйственный аффектъ, разлагающій душу, и дѣйственно выливается лишь въ травлю беззащитныхъ и безвредныхъ. Здѣсь лицемѣріе благочестивой лжи, пріучая не къ благочестію, а лишь ко лжи, не возноситъ умы до благочестивыхъ идей, а оскорбляетъ идеи не могущимъ быть длительно скрытымъ лицемѣріемъ. И тѣмъ хуже для тѣхъ наивныхъ, которые вмигъ позабывъ, что они вчера еще твердили, какъ попугаи, не замѣчаютъ обмана и лицемѣрія; убѣдившись когда нибудь, какъ они были одурачены, они негодованіе на обманъ сольютъ въ неразстворимое мѣсиво съ разочарованіемъ въ идеяхъ; и запутавшись въ чужой лжи и собственномъ недомысліи, дадутъ опору новымъ реакціямъ и новымъ паденіямъ. И ростеть, и множится страшный посѣвъ клеветъ и озлобленія, ненависти и самоупоенія, обмана и лицемѣрія. Поистинѣ правъ Шницлеръ: «негодяи, прикрывающіеся личиной патріотизма (прибавлю: и глупцы, повѣршіе въ личину),—наиболѣе отвратительное явленіе настоящей войны».

Мѣсяцами народы Запада воспитываются въ атмосферѣ глубочайшей ненависти; мѣсяцами народы живутъ въ мірѣ представленій діаметрально противоположныхъ, какъ противоположны выгнутая и вогнутая сторона выпуклости. И эти представленія стали для каждаго народа—его правдой; уже не представленіемъ, а фактомъ, не мнѣніемъ, а дѣйствительностью. Ибо вѣдь почти нѣтъ средствъ провѣрки, сравненія, ибо все—всѣ газеты, рассказы, слухи—все сходится къ одному у

однихъ, и къ противоположному у другихъ. Потому будетъ миръ, и встрѣтятся эти народы. Какъ они встрѣтятся.

Безмѣрно тягостно многое изъ того, что къ намъ доносится съ войны. Думаю, впрочемъ, что слишкомъ легко за ужасами передъ эксцессами войны забываютъ о неизбѣжныхъ для нея ужасахъ; за возмущеніемъ злостною, преступною волею врага, забываютъ о механической работѣ боевого аппарата. И, забывая объ его безличномъ функционированіи, мы приписываемъ нерѣдко его послѣдствія человѣческой душѣ; и ужасаемся ея паденію и перерожденію, и готовы и вовсе разочароваться въ ней, а заодно и во всей культурѣ. И уже нагнетаются тѣ потоки пустомыслія и пусточувствія, разочарованности и самоуничтоженія, въ которыхъ постараются утопить остатки уваженія передъ человѣкомъ и достоинства человѣчности.

Какъ бы то ни было, на войнѣ многое объяснимо безвыходною трудностью положенія—голодные, холодные, иногда полубезумѣвшіе люди съ оружіемъ въ рукахъ легко теряютъ критерій добра и зла. Тамъ многое объясняется внезапнымъ чудовищнымъ превращеніемъ, выбивающимъ изъ колеи налаженной жизни и вырабатанныхъ чувствъ и бросающимъ въ существованіе, полное смертельной необычности, временами въ почти пещерное существованіе, гдѣ отъ высокой культуры остаются лишь совершенныя орудія истребленія. Современное войско есть вооруженный народъ; но вѣдь и въ мирное время происходятъ всевозможныя преступленія, безумныя, садическія. Преступники, кандидаты въ подобныя преступники, находятся вѣдь и среди вооруженныхъ миллионовъ; и не всегда вѣдь въ переходахъ, наступленіяхъ и отступленіяхъ, можетъ быть поддерживаема надлежащая дисциплина. Представимъ себѣ законно-вооруженнаго Джека-потрошителя въ завоеванномъ городѣ.

Нѣтъ, конечно, никакихъ основаній сводить всѣ эксцессы на личную патологию и преступность. Но на комъ же, какъ не на тѣхъ, кто стоитъ внѣ боя, лежитъ суровый долгъ нелицепріятія; на комъ, какъ не на нихъ лежитъ обязанность не только различать и взвѣшивать, но даже и въ тягчайшихъ осужденіяхъ не забывать, что осуждая народъ, они осуждаютъ человѣчество; на комъ, какъ не на нихъ, лежитъ отвѣтственность за моральныя послѣдствія войны? И какъ же отнесть къ тѣмъ, кто, сидя въ покоѣ внѣ ужасовъ боя, не рискуя сами ничѣмъ, отравляютъ душу и туманятъ сознаніе безудержно слѣпымъ озлобленіемъ, а подчасъ и всѣмъ зрячею ложью. За многихъ изъ совершающихъ эксцессы дѣломъ можно надѣяться, что, вернувшись къ обычной жизни, кошмаромъ почувствуютъ они то, что пережили и что совершали; неотвѣтственными ихъ признаютъ, потому что невмѣняемыми оскорбляли они человѣческую природу. А эти?...

Конечно, больше, чѣмъ гдѣ либо и когда либо, на войнѣ и около войны неразрывно сплетаются подвиги и преступленія. Такого діапазона душевныхъ переживаній и поступковъ не часто достигаетъ человѣчество. Незачѣмъ высчитывать, чего больше, да и нельзя, ибо не покрываетъ добро зла, а рядомъ стоятъ. И самая эта совмѣстность высокихъ вершинъ и вязкихъ болотъ представляетъ явленіе громадное, зрѣлище значительнѣйшее. И то, и другое окажетъ свое моральное воздѣйствіе. На разстояніи сильнѣе окажется дѣйствіе добра, ибо одни подвиги, одни вершины останутся въ памяти и создадутъ новый эпосъ о человѣческой доблести, силѣ духа, о горячемъ сердцѣ и суровомъ долгѣ. Но боюсь, что въ ближайшемъ, непосредственномъ воздѣйствіи сильнѣе, болѣе цѣпко-заражающе вліяніе зла. Ибо добро требуетъ напряженія, а зло его не требуетъ; ибо добро предполагаетъ вниманіе, а зло обходится и безъ него; ибо личиной добра прикрывается зло, отравляя его лицемѣріемъ; ибо, оступившись, добро становится зломъ, а зло, и всегда хромая, всегда остается самимъ собой.

Народы борются за свою свободу, за свою культуру, отдавая за нихъ жизнь и достояніе, а рядомъ стоятъ другіе, подстерегаютъ того, кто первый ослабѣетъ, чтобы безъ большого риска и безъ существенныхъ потерь доконать его. Сербія истекаетъ кровью, а рядомъ Греція потихоньку забираетъ, что плохо лежитъ, а рядомъ Румынія подстерегаетъ свой часъ. А Италия, подъ видомъ національнаго объединенія, мечтаетъ прихватить и славянскія земли и воздерживается отъ нападенія, не столько даже щадя свои силы, сколько желая возможно больше ослабить союзниковъ своего сегодняшняго выступленія, въ которыхъ она видитъ своихъ завтрашнихъ враговъ.

Народы борются за *свою* свободу, за *свою* культуру, за *свою* власть, за *свой* расцвѣтъ. И въ этомъ они одинаково правы, даже когда они враги. Но приходятъ толковники, и пропускаютъ мѣстоименія притяжательныя; и затемняются умы, и заслоняется великое—даже въ ужасахъ войны великое—дѣло жизненной, мировой борьбы. Свободу и расцвѣтъ—освобождаютъ отъ мѣстоименія «мои», но зато мѣстоименіемъ «твой» снабжаютъ и ограничиваютъ преступленія и гнетъ...

Моя тема—сумерки Запада. Въ этомъ отношеніи совершенно несомнѣны послѣдствія моральнаго затемненія. Между народами Западной Европы на долгіе годы установится ненависть и подозрѣніе. Легкость общенія исчезнетъ, исчезнетъ легкость обмѣна. Товарами, конечно, скоро снова станутъ обмѣниваться, но не людьми, не идеями. Та общность, о которой я говорю въ началѣ этой статьи, то складывавшееся единство, интенсивный обмѣнъ и согласованность въ вершинныхъ устремленіяхъ—будутъ нарушены. Ненависть и месть.

вмѣсто содружества, подозрѣніе и презрѣніе вмѣсто довѣрія. Претензіи не къ однимъ врагамъ, а и къ тѣмъ, кто не помогъ или не достаточно помогаль. Озлобленіе счетовъ и дрязгъ даже и тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста озлобленію вражды.

При этомъ расхожденіи и отчужденіи Западная Европа потеряетъ свою ударную силу, свое могучее притяженіе, свой *ascendant*. Американцы, будутъ, конечно, продолжать ѣздить и въ Парижъ и въ Мюнхенъ—они перестанутъ ѣздить въ Европу. Сумерки опускаются надъ Западомъ.

5.

Скажутъ, что многое уже благополучно переносило человѣчество, перенесетъ и это. Конечно, перенесетъ,—такое утверженіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но это выводъ слишкомъ огульный и мало опредѣленный; весь вопросъ въ томъ—какъ, а отчасти и—кто? Я съ самаго начала ограничилъ свою тему Западной Европой; рѣчь не идетъ о Россіи; въ совершенно особомъ положеніи Японія и Америка; даже и Англія стоитъ нѣсколько особнякомъ. Но что до континентальной Западной Европы, до ея великой, единственной въ исторіи культуры, то, думаю, краски не были сгущены. Я взялъ только самыя общія, самыя элементарныя линіи; а сколько назрѣваетъ ударовъ и опасностей, менѣе опредѣленныхъ, но возможныхъ.

Можно предвидѣть, какъ обезлюдѣвшая Франція становится какъ бы губкой, всасывающей чужестранцевъ, теряетъ—пусть на время—свой индивидуальный обликъ и защищается новой реакціей слѣпого націонализма. При разгромѣ Германіи можно предвидѣть, какъ она теряетъ въ той или другой формѣ свое государственное единство, а слѣдовательно, и мощь, а слѣдовательно, и культуру,—ибо великая, полная культура создается только мощнымъ или идущимъ къ мощи организмомъ; такими въ давнія времена были Ассирія или Египетъ, позже Эллада, Римъ, Англія, Германія. Только въ рѣдкихъ случаяхъ творится культура безъ державности—таковою была іуданзмъ,—но она, въ связи съ этимъ, можетъ быть глубокой и интенсивной, но никогда не полной и не всесторонней. Разбитая, разединенная Германія станетъ конгломератомъ нѣсколькихъ работающихъ и, можетъ быть, счастливыхъ, но мало значительныхъ Швецій.

Можно предвидѣть Италію усилившейся и поглотившей добрую толику славянъ и погрязшей въ Левантинской политикѣ, культурѣ и психикѣ; и создастся новая ирредента,—уже не Триента, стремящагося къ Италіи, а Далмаціи и Додеканеза, отъ Италіи отры-

вающихся. И развернутся новыя алканія, и захваты, и угрозы. Всего менѣе предопредѣлено движеніе Англіи. Но кто знаетъ, не придется ли ей, оказавшейся въ совершенно новомъ міровомъ положеніи, почувствовать неожиданно новыя давленія на Австралію, Индію, Египетъ,—отложить въ дальній ящикъ прерванный могучій процессъ внутреннего социальнаго строительства, и заняться введеніемъ воинской повинности. А вновь образовавшіяся державы, маленькія «Великія» Сербія и Румынія, принуждены будутъ въ своемъ юго-восточномъ углу заняться повтореніемъ уже давно пройденной Европой исторіи.

Оставимъ это. Европа переживала кризисы, переживетъ, переработаетъ и этотъ. Конечно, но какъ и когда. Прецедентовъ нѣтъ, но тѣ, что могутъ быть, хотя бы и съ большою словностью, приведены,—мало обнадеживающіе. Послѣ войны 70 г. Франція прозябала въ теченіе четверти вѣка, утеравъ добрую часть своей бывшей культурной мощи. Только къ срединѣ 90-хъ годовъ снова стала она воскресать изъ маразма мелочности и застоя. А Германія изъ того же источника—какъ это столь часто отмѣчалось въ послѣднія десятилѣтія—восала не мало туманящихъ ядовъ самоупоенія. Можетъ быть, болѣе сходна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ современностью эпоха Наполеоновскихъ войнъ; ихъ длительность восполняетъ сравнительно меньшую интенсивность. И мы знаемъ, какова была реакція усталости и страха послѣ нихъ. Свыше тридцати лѣтъ понадобилось до первыхъ пробужденій. Десятилѣтія Европа лежала въ простраціи, въ безсильныхъ мечтахъ и крѣпкихъ тискахъ, въ поэзіи разочарованія и безочарованія, въ философіи пессимизма. Въ сущности только черезъ полъ вѣка она по-настоящему расправила свои члены и пустилась съ безудержной силой въ творчество новѣйшей культуры, культуры самодовлѣющей человѣчности. Она пережила, конечно,—но какъ?

И затѣмъ еще другая сторона, сторона рѣшающей важности, отличаетъ современную Европу отъ прежней. Прежде Европа и была—міромъ культуры и мощи; внѣ Европы былъ для творящей исторіи—культурный пустырь. Сейчасъ и внѣ Европы, въ частности внѣ Западной Европы, живутъ, рвутся къ работѣ, къ созиданію, рвутся къ вершинамъ мощи и культуры, а можетъ быть, и достигаютъ ихъ новыя страны. Когда то, когда застывала Западная Европа, съ ней вмѣстѣ покоился и міръ, ожидая ея пробужденія. Теперь ея пробужденія міръ не ждетъ. Пусть въ этомъ счастье для человѣчества; въ этомъ—и приговоръ для Запада, для его культурной гегемоніи, для его творческаго руководства. Смѣщаются вершины человѣческихъ напряженій, перемѣщаются центры культуры. Европа спра-

вится,—разумѣется; но міръ будетъ уже неузнаваемъ. Западъ ска- залъ свое слово, и сумерки на него надвигаются.

6.

Разумѣется, не война создала этотъ процессъ; онъ шелъ и до войны, шелъ бы и безъ нея. Но онъ развивался въ непрерывной пре- емственности; въ непрерывной преемственности онъ ростилъ су- ществующее въ назрѣвающее. Европа не вытѣснялась, а разроста- лась; и разростаясь, претворялась; и претворилась бы нѣкогда въ новую, міровую, океанскую культуру. Война не ускорила этого процесса, а сломала его; ибо война можетъ раздробить и отбросить, но не въ ея власти ускорить движеніе зрѣющей жизни. Намъ грозитъ культурный разнобой, культурная неорганичность. Свергается За- падъ, но скоро-ли будетъ занято его мѣсто?

Возростающія внѣевропейскія вліянія на міръ усиливались из- давна. Главнымъ передаточнымъ звеномъ съ міромъ, цѣликомъ внѣ- европейскимъ, главнымъ орудіемъ переносившимъ въ него культуру и отчасти проводившимъ ее обратно въ Европу—была Англія. Она раз- бросала свои колоніи по обоимъ полушаріямъ, и первая стала под- линно-міровой державой. Ея колонія, оторвавшись отъ нея и раз- росшись, создала великую Американскую республику; она стала своей на Дальнемъ Востокѣ. Она продолжаетъ закладывать республики бу- дущаго—Австралію и Южную Африку, она же возвращаетъ міру колыбели древности—Египетъ и возрождающійся индійскій востокъ. Она же первая изъ европейскихъ державъ признала азиатское госу- дарство равню, заключивъ съ Японіей союзный договоръ.

Въ отличіе отъ Англіи, Россія не почковалась, а главнымъ об- разомъ сама ширилась, разливалась на два материка. Латинскія державы, Испанія и Франція, потерпѣли уже давно крахъ въ міровой политикѣ—подъ ударами Англіи; современная же африкан- ская имперія Франціи пока носитъ преимущественно милитаристи- ческій характеръ и лежитъ вся еще въ неопредѣленномъ будущемъ.

Мощь Англіи лежала въ ея совершенно своеобразномъ міровомъ положеніи. Она черпала богатство и силы изъ своихъ заокеанскихъ владѣній, а между тѣмъ могла владѣть ими и оберегать путемъ срав- нительно незначительныхъ затратъ. Ибо не было внѣ Европы силы съ которой приходилось бы считаться; и потому, эксплуатируя міро- вую территорію, она защищала ее одною европейскою политикою. Раз- бросанное по всѣмъ материкамъ и морямъ тѣло своей державы она могла оставлять почти беззащитнымъ—слабо вооруженнымъ лишь

въ мѣру борьбы съ малокультурными туземцами,—лишь бы сильна была бронированная голова этого колоссальнаго тѣла, небольшой британскій островъ на сѣверо-западѣ Европы. Въ этомъ заключа- лась необычайная выгода ея положенія; этимъ диктовалась ея евро- пейская политика.

Въ своей европейской политикѣ Англія была совершенно не заинтересована самой Европой, лишь бы только Европа не мѣшала ей за океаномъ. Отсюда два вѣковыхъ ея принципа: уничтожать ко- лоніальную мощь и заинтересованность европейскихъ державъ (по- слѣдовательно—Испаніи, Голландіи, Франціи, теперь—Германіи), чтобы такимъ образомъ держать свое неизмѣримое колоніальное тѣло внѣ кругозора и внѣ ударовъ европейскихъ—т.-е. единственно сильныхъ—державъ. Въ предѣлахъ же самой Европы она могла огра- ничиться недопущеніемъ исключительнаго возростанія какой-либо одной европейской державы, ея неоспоримой гегемоніи на материкѣ; ибо только такая гегемонія угрожала Англіи, въ общемъ хорошо защищенной, своимъ островнымъ положеніемъ. Отсюда совпаденіе съ эгоистическими интересами страны ея политики, въ общемъ сво- бодолюбивой и внутри и во внѣ. Отсюда—возможность для нея ма- лыми военными силами держать въ подчиненіи и использовать гран- діозныя владѣнія; отсюда необходимость для нея поддерживать свободу и самостоятельность менѣе сильныхъ европейскихъ наро- довъ; отсюда задача быть сильной только на морѣ; отсюда неизбеж- ность грандіозныхъ, но рѣдкихъ потрясеній только для сокращенія назрѣвавшихъ гегемоній (Испаніи, Франціи, теперь—Германіи). Беззащитное, громадное, на весь міръ расположившееся тѣло и крѣпко вооруженная голова, оберегающая его отъ поползновеній европейской силы, когда она становилась угрожающей. Законъ ея европейскихъ ударовъ показываетъ направленіе съ Запада на Во- стокъ, отъ моря вглубь материка. Въ послѣднемъ ея теперешнемъ конфликтѣ съ Германіей всецѣло отражается эта вѣковая поли- тика. А между тѣмъ исходъ сегодняшней борьбы, даже и воплнѣ для Англіи побѣдоносный, поставитъ ее въ совершенно новое положе- ніе, ибо измѣнился къ настоящему времени міръ. Отчасти море перестало быть столь непреодолимой преградой, какъ когда-то. Но главное—внѣ Европы создались могучія державы, Японія и Сѣверная Америка; затѣмъ—сильная Россія, не нуждающаяся въ заморскихъ колоніяхъ, а уже однимъ своимъ продолженіемъ со- здающая грандіозныя колоніи; въ Европѣ же—обезсиленная Германія, Франція, ослабленная и къ тому же занятая своимъ уси- ливающимся мѣстнымъ соперникомъ, Италіей. Ослабленная За- падная Европа и расцвѣтающія молодыя державы, стремящіяся къ

росту, расположенныя около завидныхъ міровыхъ ульевъ, частью уже бывшія въ столкновеніи (Японія—Россія), частью грозящія новымъ столкновеніемъ (Японія—Америка). Сдвинулась ось міровой политики, протянулись силовыя линіи—уже не по европейскому, а по міровому полю, перемѣстились центры силъ. И дѣликомъ опрокинутымъ окажется положеніе Англии: въ Европѣ она наткнется на гегемона, который въ себѣ уже неразрывно включаетъ свои колоніи; а въ мірѣ ея мощная бронированная голова бесполезно будетъ продолжать сторожить уже неопасную Европу; незащищенное же тѣло, раскиданное по всемъ угламъ міра, окажется по сосѣдству со всеми могучими міровыми силами. Такимъ образомъ—потеря Европой рѣшающаго въ мірѣ значенія ставитъ немедленно подъ вопросъ и непререкаемое могущество Англии.

Вчера эти отношенія еще только назрѣвали; завтра они завершатся. Вторая половина XIX в. ознаменовалась не только расцвѣтомъ мощи и культуры Германіи, но и сформированіемъ въ типичныя Японіи и Сѣверной Америки; къ концу XIX в. Россія завоеваніями, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, ростомъ культуры стала и взятской державой. Смѣна вѣка увидѣла небывалое въ исторіи послѣднихъ вѣковъ: побѣды внѣевропейскихъ державъ надъ державами европейскими. Побѣда Сѣв. Америки надъ Испаніей было связано съ выступленіемъ заатлантической республики на поле международной политики, на путь соревнованія въ Китаѣ; столкновеніе Японіи съ Россіей, закрѣпило появленіе новой міровой силы *). Внутренне европейская война, приводящая къ пораженію Германіи и Австріи, идетъ съ другой стороны навстрѣчу этому процессу. Незачѣмъ, разумѣется, утверждать, чтобы континентальная Западная Европа этою войною и вовсе была скинута со счетовъ міровыхъ соревнованій: ея старыя споры еще будутъ сложно сплетаться съ тѣми, усложняя, затрудняя и путая общую картину. Но это, вѣроятно же всего, будутъ счеты мѣстные, или движенія подеобныя, вторичныя, сопровождающія основныя міровыя напряженія.

До сихъ поръ въ Европѣ рѣшались міровыя проблемы; еще и въ настоящей войнѣ такъ разсуждала нѣмецкая дипломатія, отвѣчая на выступленіе Японіи пренебреженіемъ (вѣроятно, дѣланымъ),—завѣреніемъ, что на поляхъ европейскіхъ сраженій, а не на Дальнемъ Востоцѣ рѣшатся судьбы мірового господства. Сейчасъ—въ послѣдній разъ—это еще было вѣрно; но уже и сейчасъ германская дипломатія, вообще оказавшаяся до крайности слабой, видимо не раз-

считала, что и на поляхъ Европы рѣшаются судьбы не одними европейскими силами. Африканскія, индійскія, канадскія войска сражаются съ нѣмцами у бельгійскихъ границъ; турки—за Кавказомъ; японскія войска еще только призываются французскими газетами. А американскіе штаты являются главнымъ нейтральнымъ адресомъ, по которому направляются протесты, и главнымъ нейтральнымъ защитникомъ европейцевъ во взаимно враждебныхъ государствахъ Европы.

Міровыя судьбы еще рѣшаются на поляхъ Европы, но онѣ рѣшаются уже при участіи внѣ-европейскихъ силъ. И результатомъ рѣшенія будетъ то, что поля Европы сохранять лишь мѣстное значеніе.

Не только въ государственномъ отношеніи подготовлялся переносъ мірового центра тяжести, но и въ духовномъ—хотя и несравненно медленнѣе и меньше—сказывались внѣ-европейскія вліянія. Правда, внѣ-европейская духовная работа, поскольку получала міровое значеніе, вкладывалась, умѣщалась въ духовной работѣ Европы; или же если, отличаясь отъ нея, на нее воздѣйствовала, то все же—проходя сквозь ея фильтръ, претворяясь въ ея руслѣ. Россія, столѣтіями отъ Европы оторванная, все же множествомъ историческихъ нитей и связей дѣйствительности неразрывно съ Западомъ связанная, полу-Западъ, полу-Востокъ, все слышнѣе давала себя знать въ европейскомъ хорѣ ко второй половинѣ (или, что ли, къ третьей трети) XIX вѣка. Первородное дѣтище Запада—Сѣверная Америка, не имѣвшая особыхъ отъ Европы традицій, но переработавшая ихъ въ особую, и именно въ лишенную традицій средѣ,—уже вѣкъ тому назадъ вліяла на Европу своими политическими идеями. Въ технику Америку открывала новые пути, не только фактическими изобрѣтеніями, но самой смѣлостью захвата, рѣшительностью постановокъ проблемъ, натискомъ въ разрѣшеніи ихъ. Дѣло здѣсь не только въ распредѣленіи между материками осуществленной работы, дѣло въ самомъ духѣ этой работы, въ духѣ отношенія къ природѣ и жизни, если и не принесеннаго съ той стороны Атлантическаго океана, то получившаго оттуда могучій толчокъ и опору. Дѣло не въ томъ, что броненосныя суда и пушки тяжелыхъ калибровъ, телефоны и отчасти аэропланы имѣли Америку своею колыбелью или пробною мастерской; что она имѣетъ лучшія обсерваторіи и лабораторіи, что—въ противоположной плоскости—въ ней своеобразно развернулась религіозная жизнь. Дѣло въ томъ, что служить опредѣляющей характеристикой эпохи,—дѣло въ ритмѣ и темпѣ жизненной работы, которые ковались подъ встрѣчными воздѣйствіями Новаго Свѣта; дѣло въ интенсификаціи жизни,—и характерно, что именно орудія

*) Пораженіе Италіи Абиссиніей не знаменуетъ, подобно отмѣченными явленіямъ, наступленія заокеанскаго міра на Европу.